

Ирина Фургал

Третий сын

Роман ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛНЦА. Часть III

Ирина Фургал

**Третий сын. Роман
ВОЗВРАЩЕНИЕ
СОЛНЦА. Часть III**

«Издательские решения»

Фургал И.

Третий сын. Роман ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛНЦА. Часть III /
И. Фургал — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501141-1

Путешествие по рекам в дружеской компании было бы прекрасным! Но каждому из членов экспедиции готовит гибель мстительный пиратский маг. Мы не уверены, кто он, и не знаем ни минуты покоя, защищая наши жизни. А тут ещё Петрик Тихо требует немедленно возвращаться в столицу: якобы оставленным там родителям грозит беда. Нарушить королевский приказ и вернуться? Довериться человеку, у которого множество тайн именно от меня, от Миче Аги, лучшего друга?

ISBN 978-5-00-501141-1

© Фургал И.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1. И СТРАХ, И РАДОСТЬ	6
ГЛАВА 2. ИЗ-ЗА МЕНЯ	12
ГЛАВА 3. ДЕВУШКА С ГРУШЕЙ	18
ГЛАВА 4. НАД ОБРЫВОМ	23
ГЛАВА 5. ЛАДОНЬ СВЕТЛОЙ ЭИ.	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Третий сын
Роман ВОЗВРАЩЕНИЕ
СОЛНЦА. Часть III

Ирина Фургал
ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛНЦА

ЧАСТЬ III. ТРЕТИЙ СЫН

© Ирина Фургал, 2019

ISBN 978-5-0050-1141-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1. И СТРАХ, И РАДОСТЬ

Всего было намешано в нашем путешествии вверх по Някке, по Влоту, по другим рекам, по озёрам, по каналам и волокам, на северо-восток. До зимы мы пересекли границы трёх стран и почти добрались до северных рубежей четвёртой, Красеты. И, вроде, мы не спешили и не суетились, а расстояние, пройденное «Комариком» впечатляет, как и результаты нашей экспедиции. О них вы можете узнать из трактатов Хрота, которыми зачитываются граждане от десяти до ста десяти лет, профессора и домохозяйки. Можете посетить Главный музей – почти всё, что нами добыто, выставлено там специально для вас, любители старины и истории. Можете сходить в Зелёную галерею – картины и зарисовки Лёки Мале расскажут о многом, и вы сами захотите странствовать водными дорогами Винэи, нашей прекрасной планеты. Захотите увидеть её вечную красоту – в разные времена года, на разных её широтах, захотите совершить открытия и преодолеть всевозможные опасности. Но учтите, опасности радуют только в книгах.

А бывали вы в Овальном театре в последнее время? Если вы любите трагедии – то не знаете, о чём речь идёт. Только в самых смешных пьесах и водевилях слышны отголоски наших приключений, наши словечки и пререкания, видны наши характеры и чудные поступки. И чьё ухо уловило, и чей зоркий глаз подметил такое и запечатлел в пьесах? Я всё вам сейчас расскажу.

Интересное изобретение человечества, фотоаппарат, тоже странствовал с нами, и если вы зайдёте ко мне домой, лучше не намекайте, что хотели бы заглянуть в фотоальбом. Я увлекусь и буду допоздна говорить о Нате, о моих товарищах и младшем поколении – о Рики и Лале, и как они уговорили меня купить им ролики. Фотографии разложены аккуратно, все в нужном порядке, а я, вспоминая, буду цепляться мыслью то за одно, то за другое, перескакивать с события на событие, и о порядке не думайте даже. Именно потому, что так всё удивительно перемешалось в нашем путешествии: любовь и ненависть, дружба и вражда, страх и беспечная молодая радость, которой, кажется, всё по плечу. И смеётся она, наплевав на опасность, на угрозу самой жизни, и способна справиться даже с этим. И даже с бедой разочарования и узнавания тайны, которой знать не следует людям мирным и далёким от интриг сильных мира сего. Но только одна тайна на пути туда, и много—много – на пути обратно. Но я не говорю, что это плохо. Всё к лучшему.

Всё к лучшему – только так бывает там, где стремительна синеглазая Някка под голубым и прохладным небом.

Всё к лучшему, но простите мне некоторый сумбур в этой части повествования. Это, как я уже говорил, от того, что события быстро сменяли друг друга, наслаивались и погоняли друг друга, наступая на пятки.

Я говорил о страхе – снова о страхе, на этот раз подкреплённом событиями, случавшимися часто. О страхе не за себя, за Петрика, который вечно лезет на рожон, а потом я расхлёбываю последствия его неуёмной отваги.

Буквально сразу до нашей команды дошло, что «Комарик» преследует колдун, пиратский маг, которого мы по привычке называли Чёрным Мстителем. Возможно, у него имелось и нормальное имя, но мне, как вы помните, он его не сообщил. Вы спросите, как он успевал за быстроходным судном при том, что берега Някки у самой воды местами непроходимы из-за скал и камней? Так он же обладатель летающей кастрюли с хвостом! Очень просто за ночь по воздуху преодолеть расстояние, пройденное нами за день по воде. Однако, боясь за Петрика, я ещё в Някке опекал его и защищал при помощи всевозможных магических уловок. Да он и сам старался быть осторожным, понимая, что опасность нависла над ним нешуточная. Начав наш путь, мы не потеряли бдительности, и потому Чудилка уцелел, когда ни с того

ни с сего кувыркнулся с лестницы. Ещё в первый день нашего путешествия. На почти новом, крепком, замечательном судне оказалась гнилая ступенька. Может такое быть, как вы считаете? Упал Петрик под лестницу, туда, где от прежнего владельца остались стоять внаклонку большие листы стекла. Мы планировали избавиться от них на первой же стоянке. Хорошо, что это случилось при мне – Петрик даже не поцарапался. А мы потом замучились убирать осколки, разлетевшиеся повсюду.

– Знаешь, – задумчиво помахав кисточкой, сказал мне Малёк, – странно всё это. В Някке, на моих глазах, Чудилище трижды откуда-нибудь срывался.

– Да? – всполошился я, поразившись масштабу охоты на моего родного друга. На моих глазах нечто подобное случилось всего один раз – на озёрах.

– Правда, Миче. Сначала мы полезли с ним в гору: я с мольбертом, он с фотоаппаратом. Ну и обвалился подвесной мостик через Дику. Прямо сразу, едва Петрик наступил на него. Я шёл сзади и поймал его за ремень от этого вашего гробика.

– От какого ещё гробика, Лёка?

– От фотоаппарата вашего. Только не надо мне снова доказывать, что фотография – это произведение искусства.

– Это произведение, но давай по существу.

– Существенней некуда. Чудилке повезло, что ремень оказался крепким, а сам он успел уцепиться за что-то.

– Потом что?

– Ну, я подумал, мало ли, мостик старый уже. Сообщили леснику, да и дальше пошли.

– Лёка! Что было во второй раз?

– Во второй раз ты сам помнишь. Петрик свалился с лодки. Среди камней, в бурную погоду. Просто ни с того ни с сего. Ты тогда ещё сам заподозрил какой-то магический фокус. Типа подножки на расстоянии. А потом говорил, что ошибся. Ты не почувствовал магии.

– Ах, это! Подумаешь! Кто из нас с лодки не падал! На море живём.

– А Чёрный Мститель, как ты знаешь, тоже. И всё бы ничего, да вспомни, как Чудилка лоб ободрал. Чуть посильней удар – и буль-буль.

– Ох, светлая Эя!

– Дошло? Ну так вот. Воки в ту пору болтался на пляже. Я видел. Ты видел. И, если бы он был волшебником, я бы не усомнился...

– Воки не волшебник. Невозможно не почувствовать, откуда исходит сила. Если бы это Воки вредил Петрику раз за разом, я бы обязательно это понял. Я бы понял ни на второй раз, ни на третий, а сразу. Разве что у Ловкача есть одна волшебная вещь. Отрицание Имени. Её носят на шее. Воки не носит ничего похожего. Орицание Имени довольно велико, и обязательно из золота.

– Миче, – оживился Лёка, – так эта вещь лежит у него в мешочке. Воки носит на шее мешочек на шнуре.

– Не лежит, – вздохнул я. – Я пощупал, когда он спал. В мешочке у него что-то величиной с гречневое зёрнышко. Или с его любимый молочный зуб. Отрицание Имени не может быть таким маленьким.

– Жаль, – поджал губы Малёчек. – Будь оно там, всё бы сошлось.

– И знаешь, я ведь как-то разговаривал с Воки насчёт его отца, насчёт его адреса... Имей он при себе Отрицание Имени, не стал бы выдумывать и выкручиваться. Просто сделал бы вот так, – я поднял руку к груди и будто пробежался пальцами по маленькой дудочке, как если бы она висела там у меня на цепочке. – Я бы сразу бросил задавать ему эти вопросы, забыл бы о них, и долгое время не вспоминал бы, что вызвало мои подозрения. Я бы не придал значения этому движению, – я снова показал, какому именно. – Я не опознал бы Отрицания Имени, не говорил бы сейчас о нём с тобой применительно к Ловкачу. Если бы ты сказал при мне:

«Знаешь, Миче, а Воки-то волшебник», вместо слова «волшебник», или вместо имени Ловкача я услышал бы шуршание, дребезжание или ещё какой звук, подумал бы, что не расслышал и не стал бы забивать голову. Ты бы больше не вернулся к этой теме. Забыл бы.

– Ясно, – сказал Лёка. Он нахмурился, словно действительно что-то забыл, потёр лоб, не вспомнил, и спросил: – А без Отрицания Имени человек может скрыть то, что он маг?

– Конечно! – обрадовался я возможности ещё раз объяснить ему это. – Может запросто. Ты, не волшебник, не понял бы никогда, если бы Воки колдовал не у тебя на глазах. Нельзя догадаться, если он просто вышел со мной прогуляться. Если мы пришли к нему в гости. Если он с девушкой на свидании. Но! Если рядом со мной применили магию, я почувствую. Удивляет то, что против нас магию применяют, а я не чувствую. Крайне редко ощущаю это очень слабо. Возможно, волшебник находится очень далеко. Но в этом случае поневоле нужно открытое пространство. Не понять, в какой стороне находится волшебник. Это странно. Потому я и заговорил об Отрицании Имени. Но оно не может действовать так, как я наблюдаю. Вряд ли оно имеется у Чёрного Мстителя – ведь мы сейчас свободно болтаем об этом. Однако, могу сказать, что против нас действует один человек. Энергия колдовства индивидуальна, как почерк. Но ты говорил, что Чудилка падал три раза. Что было ещё?

– Мы с Аней гуляли у моря, там, где Высокий берег. Глядим, Чудилка поднимается по лестнице с пляжа. По железной узкой лестнице. Оказалось, что она плохо закреплена на самом верху. Ты в это веришь, Миче?

Я не верил. Как это так – плохо закреплена? Это был известный всем случай, проводилась экспертиза – и было сказано, что с лестницей и креплениями всё в порядке. Почему произошло падение, никто не понял. А, между прочим, тогда пострадали люди. Если бы кто-то не крикнул вовремя, что лестница падает, пострадали бы сильнее и даже могли бы погибнуть. Теперь оказалось, что крикнул Чудилка, почувывший опасность. Приказал прыгать вниз, на склон.

Узнав, что на месте происшествия находился Петрик, я сразу поверил в то, что тут замешан волшебник. Простому человеку невозможно, подгадав, когда он станет подниматься, на виду у множества граждан, незамеченным быстренько ослабить крепления с помощью кувалды или чего там? Отвёртки.

Я понял, отчего нынче волшебство не в почёте. Оттого, что людям невозможно спокойно жить, когда рядом существует кто-то, чьи возможности выше. Мало ли, какой характер у мага. Неизвестно, на какое дело он свои способности употребит. Может, на дело вредительства и убийства.

Я попенял Мальку:

– О происшествии все газеты писали, но ты мне не сказал, и Аня мне не сказала, что Чудилка был главным действующим лицом.

– Потому что он запретил. Говорит: «Зачем волновать наших?» Я тоже подумал: зачем? Дойдёт до мамы, а ты знаешь мою маму, она сразу скажет твоей. Твоя будет плакать, помчится обсуждать это дело с тобой, а ты и так... Ну... После случая с Рики... Не сердись, Анчутка. Он даже своим родителям не сообщил.

Я вздохнул. Ну можно ли на них сердиться? И уточнил:

– Такой вот у нас Чёрный Мститель – специалист по падениям.

– Ты сам говорил, что можно защитить человека от чего угодно, но не от падения, помнишь? Если у человека выбить опору из-под ног, любой упадёт. Другое дело, как он защищён при этом.

– Да, если плохо, могут быть травмы. И что похуже.

– Ты, наверное, хороший волшебник, Миче.

– Смотри, Лёка, не накаркай беды. Молчи лучше.

Пока мы так разговаривали, на «Комарик», стоявший у пристани, доставили кое-какую провизию. Терезка, Петрик и Кохи на берегу расписались в документах и теперь просто болтали с подвернувшимися местными жителями. Чикикука у моих ног жмурилась на эту сцену.

– Отходим! – крикнула Ната, а Лала звякнула в колокол. Троица распрощалась с аборигенами и поспешила к сходням, опирающимся на доски пристани. От них до быстро текущей воды была порядочная высота. И дальше произошло вот что.

Кохи взбежал по сходням первый, и одну руку протянул, чтобы погладить вспрыгнувшую на поручень Чикикуку, а вторую – Терезке, чтобы помочь ей подняться на борт. В этот момент Чудилка, сияя счастливейшей улыбкой, тоже встал на сходни, а с берега ему закричал и замахал парень, с которым он только что разговаривал:

– Эй, я вспомнил! Вспомнил, как найти в Лесте ту бабку. Иди, нарисую подробней!

Это Петрик, помня о цели экспедиции, расспрашивал о древностях. Нет – нет, не столько о бабках, сколько о тех предметах, которыми они могут владеть и которые, может, хотели бы выгодно продать. Или, знаете, попадаются такие люди, которые помнят очень старые легенды или песни и всегда рады пропеть их перед какими –нибудь историками, вроде Хрота.

Так вот, в тот миг, когда Петрик прыгнул обратно на пристань, сходни рухнули в Някку с большой высоты. В воду полетела одна Терезка – и это был настоящий ужас. До сих пор мне плохо, когда я об этом вспоминаю. Представьте, что значит для будущей матери падение со сходен в быструю реку, да испуг, да ещё течение сразу ударило её о борт судна. Она могла захлебнуться, оказавшись под килем. Она могла потерять ребёнка. Любая женщина могла бы, но надо знать Терезку! Она сохранила присутствие духа, она не дала течению утянуть себя на глубину, она сумела ухватиться за опору пристани, правда не нашей, а соседней, и спокойно ждала, пока мы придём на помощь. По ней совершенно не было видно, что она испугалась. Вот такая она, Тереза Ош, жена Хрота Корка.

Воки Ловкач нарисовался рядом с Кохи и охал громче всех.

И вот что тут будешь делать?!

Я здорово поработал тогда, я привлёк к работе Рики – пусть тренируется. Мы чуть ли не наизнанку вывернулись, лишь бы на нашем судне не происходило больше никаких внезапных падений. А вы уже знаете, что это очень сложно.

Некоторое время никто ниоткуда не падал. Я начал было успокаиваться, когда до меня дошло: сходни, тем более пристань – это уже не наша территория. Враг нападает извне, на стоянках, когда я вынужден ослаблять защиту, чтобы на борт могли подняться грузчики, почтальон, служащий таможи, да мало ли кто ещё! Я нервничал, дёргался, подозревал каждого, кто намеревался посетить «Комарик», запретил вести торговлю на палубе, и в то же время понимал, что ничто не удержит членов экспедиции от исследования населённых пунктов и пустынных берегов. И как быть? Я боялся уже не только за Петрика, а просто за всех и за каждого. Дело осложнялось тем, что я понятия не имел, как выглядит мой противник. К тому же меня стало огорчать, что я не знаю, как его зовут. Когда очень сильно ругаешь кого-то по имени, получаешь большее удовольствие. Прозвище – это совсем не то.

Мы никуда не отпускали Петрика одного. Но чем дальше, тем больше я переживал. Я помнил, что во время пиратского набега на наши дома, дом Лёки Мале пытались поджечь тоже. А ну как и Лёка подвергается опасности? Он искал со мною амулет города Сароссе. Со мной и Рики – вы представьте только, что я чувствовал, думая, что Чёрный Мститель на берегу может причинить вред моему сокровищу. Размышляя таким образом, я пришёл к мысли, что мстить по-чёрному этот маг может кому угодно. Молодым Коркам, всем троим – за измену клану. Даже Мадинке – за то, что полюбила не того, кого надо, за то, что поддерживает братьев. Терезке, женщине из анчу, чей ребёнок просто не должен родиться и позорить примесью «нечистой» крови славный род бунтовщиков и заговорщиков. Даже Нате – вот ужас-то! Даже Нате!

И, понимая всё это, мы, молодые и отчаянные, не поворачивали домой, в Някку, а строили планы поимки злоумышленника. Мы вели странный образ жизни в начале нашего путешествия. С одной стороны, угроза пиратской мести вынуждала нас быть осторожными, с другой – мы никак не могли обуздать наши темпераменты и любознательность и пренебречь интересами экспедиции. Лишь только «Комарик» замирал у пристани, мы бросались на берег кто с чем. Кто-то закупал необходимое, кто-то выяснял наличие исторических ценностей в этих краях у местных жителей. Наши дни были полны смехом и шутками. Мы подкалывали друг друга, мы были полны дружелюбия друг к другу, мы всё делали сообща, а ссорились крайне редко. Мне кажется, я тогда всё время улыбался, не смотря ни на что, ни на какие потрясения. И каждое утро начиналось с возгласа Петрика, выскочившего на влажную от росы палубу, в холодноватую послерассветную солнечную синеву:

– Светлая Эя, как хорошо, как красиво!

– Ты, – сказал ему Кохи, – когда родился, не плакал, наверное, а вот это самое говорил.

– Ну да, только никто не понял, что это он так верещит, – крикнул от мольберта Малёк.

Он выводил красками ветки на фоне солнца, и были похожи они на замысловато изогнутые дороги, по которым странствует свет, по которым скользит с тонкого, переливчатого, словно хрустального неба, в траву, в широкую реку, в наши ладони.

– Они смеялись, когда родились, – сообщил во всеуслышание Рики очень личную вещь. – Мне мама сказала. Один и второй, Миче и Петрик – не плакали, а смеялись. Очень редкое явление, но бывает.

– И до сих пор никак не успокоятся, – махнув на нас с Петриком кисточкой, кивнул Лёка Мале.

Ну, вообще-то, наверное, так. Кстати, это редкое явление ровно ничего не значит, как доказали современные учёные. Однако, Чудилке хочется думать, что это неспроста – Радо и Эя любят смех и весёлых людей.

У этой самой Лесты Терезке жутко захотелось шоколадного мороженого. Как известно, беременным надо потакать, вот мы и поторопились пристать пораньше к берегу – всё равно приходилось останавливаться на ночь. Петрик с Кохи и Хротом отправились в посёлок за лакомством и на поиски бабульки, по слухам, умеющей как никто петь о приключениях Тлака из Арры и хранящей в сундуках национальные костюмы прошлого века. А мы все просто так бродили по окрестностям у маленькой пристани.

– Ой! – вспомнил Рики. – Письмо опустить для мамы и папы. Я с Чудиком пойду, ладно, Миче?

– Валяй, – разрешил я. Когда Рики с Петриком, я не боюсь ни за одного, ни за другого.

Рики припустился за нашими приятелями.

Мы смотрели ему вслед.

Получилось так, что он бежал по тропке, а Хрот, Кохи и Петрик как раз поравнялись с первыми домами селеньица. И самым первым домом должно было стать трёхэтажное каменное здание – его как раз достраивали. Рабочие закричали, Рики завизжал, Терезке моментально расхотелось мороженого. С верхнего этажа сорвалось несколько кирпичей, но мы этого от пристани не видели. Особенно не видел я без очков. Видел Рики. Он успел кое-как защитить тех, кто шёл впереди. Он же волшебник. Кирпичи скользнули в траву, хотя неминуемо должны были зашибить всех троих или кого-то одного. Рабочие клялись, что быть такого не может, чтобы у них на стройке что-то упало вниз. Даже не просто вниз, а, сами понимаете, отлетев в сторону тропинки.

– Это новенький! – кричал один из строителей. – Новенький, видели? Поднялся – и прямиком к кирпичам. Аж запыхался, будто бежал. Я говорю: «Тебе чего?» «Велено принести», – говорит. Велено – так велено. Я и отошёл. Тут все кричат. Гляжу – такое дело! Новенького след простыл. Нарочно кинул. Кто его видел? Сбежал!

Самый главный начальник покачал головой:

– Что за новенький? Никаких новеньких у нас.

Действительно, след простыл. Мы не смогли выяснить, что за парень подходил к кирпичам. Рабочий, говоривший с ним, совершенно не мог припомнить его внешность и во что тот был одет. Мог утверждать только, что это мужчина. Да и то, как-то неуверенно. Больше никто не видел злоумышленника. Всё это было похоже на заклинание отвода глаз, сделанное не очень старательно, или не очень умело, или наспех. Через пять минут бдительный рабочий вообще забыл, что говорил с кем-то о кирпичах. Преступником точно был волшебник. Ни один человек не смог бы просто руками бросить на тропинку охапку кирпичей. И снова мы все говорили Чудилке:

– Пиратская месть. Нашёл тебя их волшебник. Ты ведь убил вождя.

– Это не Корки – они бы напали на всех сразу, всем своим табором, с саблями и пушками.

– Какой волшебник? – спросил Воки, появившийся ниоткуда.

– Тот, что на мой дом напал и пожар устроил, – зло гавкнул я.

– Тебе известно, как его зовут, кто он, Миче?

– Убийца! – припечатал Лёка.

Малёк спросил Воки, где он был, когда причалили к берегу, и тот ответил, что оставался на «Комарике». Лично я не видел его на палубе. Я на Рики смотрел.

И, поскольку, всем было страшно за Петрика, мы пошли разыскивать бабульку все вместе, без ужина, большой толпой, купив и съев по дороге мороженое. Какое кому больше нравилось.

А в следующем маленьком городишке в Петрика просто выстрелили из кустов, но не причинили вреда. Вы понимаете, я заранее принял все меры, чтобы этого не случилось, я теперь только и делал, что меры принимал. Тогда на берег сошли только мы с ним. И в том, что стрелял волшебник, не было сомнений. На мой удар невидимый негодяй ответил своим, довольно слабым, надо сказать. И ничего не сказав насчёт моего имени и того, что мы встретимся, дал стрелача. Поймать не вышло, а на «Комарике» просто паника была. Мадинка рыдала на груди Чудилки, а сам он был спокоен и вёл себя достойно.

– Где был Воки? – спросил я тогда у Малька.

– Не знаю, Миче, не могу вспомнить. У нас в кухне случился пожар, пока вы в городе были. Небольшой, но мы все тушили. Дым, вонь, ничего не видно... Не чуешь, разве, как пахнет? Постой, ты ведь не хочешь сказать, что Ловкач волшебник?

– Я бы сказал, что волшебник. Но это не так. Я бы почувствовал, – ответил я, потому что не почувствовать очень сложно.

ГЛАВА 2. ИЗ-ЗА МЕНЯ

– Жил – был Хрот, занудный всезнайка. Однажды он нудел – нудел, его схватили за пятки и утопили в речке.

– И жил – был Миче, которого плохо выучили. Он знать ничего не знал, кроме заклинаний «бу-бу-бу», и знать не хотел. Он не желал слушать мудрого Хрота, и поэтому попал впро-сак, сел в лужу и обмишурился. Этот Миче будет ещё утверждать, будто Совет племён у Мыги начался с утра, когда я точно знаю, что после обеда.

– Откуда ты знать можешь? Совет племён у Мыги был четыреста пятьдесят лет назад.

– Четыреста сорок девять лет и четыре с половиной месяца назад.

– О, Эя! Вредный Хрот должен прислушиваться к знающим людям. Все важные дела южные анчу всегда начинали с утра, с девяти часов, а вовсе не с обеда, набив животы.

– Тогда старейшины из Айкри опоздали на сборище. На них в пути напали разбойники Акети. Твои предки, Миче, из Айкри, ты это знать должен.

– Значит, Совет перенесли на следующий день. Дали людям отдохнуть.

– Не перенесли.

– Перенесли.

– Миче, если ты будешь мешать Хроту рассказывать интересные вещи, я откажусь есть овсяную кашу.

– Ужас. Страшно—то как. Я, Рики, просто трепещу. Раз пищу, два пищу, три пищу... Кому какое дело, в котором часу четыре с половиной сотни лет назад старейшины решили потрепаться, а потом передрались, а потом, как всегда, пировали, забыв про время вообще?

– Это историческая правда! – подскочил от возмущения младший Корк.

– Хрот, а как Миче в луже обмишурился? – тихо спросила Лала Паг.

– Примерно так же, как опростоволосился.

Расширив глаза, девчоночка уставилась на мою голову. Сдерживая смех, начальник экспедиции сказал:

– Это уже не история, нет – нет, Лала, мышка моя.

– Не история?

– Нет. Суровое настоящее.

– А-а-а, – разочарованно протянула Лала. – Жаль. Так интересно начиналось. Ну давайте, что ли, вашу овсяную кашу.

Мы уже так привыкли, что Хрот вечно нам что –нибудь рассказывает о далёких предках и доисторических временах, что не сразу соображали, когда он начинал говорить по существу.

Всё-таки, как было весело двигаться вверх по Някке! Она течёт то по долинам, то между гор. Но горы расступаются почтительно, освобождая ей путь. Някка безмерно широка, и относительно спокойна почти по всей своей невероятной длине. Где—то в верховьях, у истока, река бурлит и клокочет, оглашая стиснувшие её скалы возмущённым рёвом. Я как-то видел – зрелище впечатляющее. Конечно, в тех местах Някка ещё маленькая речка и не судоходна. Там, где она рождается и начинает свой бег – невозможно быстрое течение, камни, пороги, водопады, скрытые брызгами и радугами. Но вот она вырывается на сравнительно ровное пространство и делается широкой. Хорошей рекой, ласковой, как котёнок. Но! Во время дождей и ранней весной не выводите свои плавсредства на Някку: утопит и не заметит. Сколько в неё вливается рек и речушек, я вам передать не могу. Чем ближе к морю – тем она глубже. И выше по течению, в четыре очень больших города и множество мелких городишек между ними спокойно заходят тяжёлые морские суда. А дальше – уж извините. Правда, пассажирские и грузовые речные суда и баржи тоже довольно велики и тяжелы. А таким, как наше, судёнышкам шустрим, удобным, очень разумно устроенным, вообще хорошо. Наша компания под руковод-

ством моей Наты запросто управлялась с «Комариком», несмотря на быстрое, всё-таки, течение и изменившийся с прошлого года фарватер и рисунок берегов.

Я, вроде, упоминал уже, что Ната может водить речные суда с профессионализмом, достойным капитанского звания. После этой поездки, если с нами ничего не случится, оно обещано Нате самой королевой. Тогда она станет третьей женщиной на Някке с дипломом капитана. Пока она довольна была званием помощника. Но факт есть факт: моя Ната водила по рекам, Някке и Влоту, отцовские торговые суда. Тренировалась под руководством настоящих капитанов. А я ждал её дома, волнуясь и переживая. И выходил на высокий берег за городом. И всматривался в широкую, синюю или стальную, в солнечных бликах или в каплях дождя, реку. И говорил Мальку, совершенно искренне утверждал, что беспокоюсь о друге. Разве он не беспокоится также? Ну не болван ли я был? Вот болван!

У Наты полно увлечений, и это – одно из них. Поэтому капитанское звание – вопрос престижа, а не насущная необходимость, одержимость и дело всей жизни, как у других двух женщин, с которыми мы знакомы. Уделяла Ната, конечно, речному делу маловато внимания. Хороший капитан – это тот, кто посвятил своему судну и своей реке все свои дни, и, лучше бы, с детства. Тогда он знает все мели и глубины, все выступы, все особенности течения, каждую приметку на берегу, умеет ориентироваться в тумане и темноте, знает, как действовать в любой ситуации, предвидит плохую погоду, и спасёт судно во время внезапного разлива Някки, если в верховьях прошли проливные дожди. Хороший капитан быстр в принятии решений на ежедневно меняющейся, своевольной реке. Ната на Някке с младенческих лет, ей не занимать интуиции, знаний и опыта. Но это увлечение и помощь отцу – не более того. Однако, учась на факультете вместе с Петриком, Ната лично, под контролем, конечно, водила суда, набитые студентами, выезжающими на практику, вверх по реке. Ей шли навстречу, даже специально привлекали, зная о необыкновенной особенности девушки. Хорошие педагоги помогают студентам развивать таланты.

О Нате ходили легенды среди моряков и купцов. О её удивительной дружбе с великой рекой Няккой, с другими реками, с любыми пресными водоёмами. Стоит ей опустить руку в воду, как маленькие серебряные волны начинают суету вокруг её ладони, словно рыбки вокруг приманки. Она умудряется почувствовать опасные изменения на реке, когда нет ни дождя, ни ветра, а солнце светит вовсю. Но если мы выезжаем на пикник в лес или поле, и там нас застает ураган и гроза, бесполезно предъявлять Нате претензии. Вдали от воды ей не удаётся предсказать погоду. Иногда она разговаривает с рекой, как с подружкой, ласково – ласково, и это мне нравится.

Мне было пять лет, когда я стал свидетелем случая, принёсшего маленькой ещё Нате известность. После него родители перестали беспокоиться за дочь на реке, а я, наоборот, начал. Я оказался на парусном судёнышке с Натой и её отцом, который взял нас в недалёкую поездку, не занявшую и половины дня. На обратном пути налетел такой ветер, такой сильный шквал, что небо моментально стало чёрным, волны сбесились, а я, не поняв ещё всего кошмара, закладывая зубами от холода и миглом промок насквозь от ливня и крупных брызг. Матросы, перепугавшиеся не на шутку, за работой творили молитвы и едва удерживались на ногах. Натин папа схватил нас в охапку и попытался затолкать в относительно сухой закуток, а Ната вывернулась из его рук и бросилась на нос судна, маленькая и тоненькая, как дождевка. И там она крикнула плаксивым голосом, пока мы, скользя и падая, добирались до неё:

– Речечка, милая, дай нам спокойно причалить! И убери эти волны, а то очень страшно! Это я, Ната!

По обе стороны судёнышка продолжали беситься волны, а лохматое небо шупало наши макушки тёмными пальцами туч и рычало на нас. Только сам кораблик скользнул к пристаням Някки словно по неровной ледовой дорожке, и, не врезавшись ни в какие другие суда, не ударившись о доски, замер у причала. Вот так. Не чудо ли?

Ната не волшебница, и это не колдовство, а, наверное, просто симпатия. И, например, меня, волшебника, великая Някка не подумает слушаться. Однако, скажу по секрету, я отлично лажу с морем, с солёной водой, потому понимаю, как Нате удаётся такое.

Став постарше я спросил Нату об этом случае: неужели она не почувствовала изменения погоды? Почему никому не сказала?

– Вот только не надо говорить, что ничего нельзя было сделать, что взрослые всё равно пустились бы в путь. Достаточно было просто спрятаться – и тебя искали бы до той поры, пока не миновала бы буря. Или я что-нибудь наколдовал бы.

– Мне хотелось, – пискнула она, покраснев, – посмотреть на ураган изнутри.

– С ума сошла! – возмутился Лёка, потому что я дара речи лишился. – Как можно?!

– Я больше не буду, – пролепетала Ната. И я не стану сейчас рассказывать, как она летала на воздушном шаре, штурмовала гору, называемую Домом Эи, и как в конце нашей экспедиции, ранней весной, перебралась на другой берег озера, а потом обратно по льду, покрытому трещинами. Нет-нет, не просто так, а потому что ей показалось, что там, в лесу, что-то загадочно блеснит. Каждый раз Ната клянётся, что больше не ввяжется в подобное приключение. И точно. Ввязывается в другое. Не удивительно, что Лала Паг души в Нате не чаёт.

Петрик, борец за чистоту рек, взял её в последнюю перед путешествием инспекцию, и потом сокрушался, что она не участвовала в предыдущих. Ната всего лишь глянула осуждающе на хозяина фабрики, допустившего пару мелких нарушений, и он, попятившись, прилип к стене, заслонился руками и поклялся выполнять все предписания. Петрик, испугавшись за здоровье промышленника, потребовал врача с успокоительным. Мы с Натой встречали потом этого фабриканта. К нему ни у кого нет претензий, он милый человек, мы с ним всегда мирно болтаем. И каждый раз он вспоминает о том дне:

– Как, Миче, на меня твоя жена посмотрела! – ахает он. – Как в детстве ручей за домом!

Объяснить эту загадочную фразу наш знакомец не в состоянии.

Ната окончила университет с двумя дипломами. Один из них – именно помощника капитана. Не думал я, что этот диплом может Нате всерьёз пригодиться, а поглядите, как вышло.

Вот она и командовала нами, и ребята признавали её авторитет и слушались беспрекословно. Не без того, конечно, чтобы подразнить меня, будущего супруга. Вроде как довольствоваться мне пожизненно ролью боцмана. Смешно, не так ли? Я отвечал, что сильный мужчина не боится любить сильную женщину. И что на это мне могли возразить? Я восхищаюсь Натой именно потому, что она такая: упрямая, увлечённая... и красивая. Моя любовь.

Кто у нас на самом деле был боцманом, я сказать не берусь. Ната запросто могла озадачить любого чем угодно – и шагом марш выполнять. Никто не думал возражать и отлынивать. И все мы, выросшие у моря и на реке и имевшие свои лодочки, тоже не лыком шиты.

Мы, знай себе, веселились и за работой, и без неё. Было забавно сменить городской образ жизни на походный, кормить «Комарик» углём, стоять на вахте и наблюдать, как смешно сердится Ната на наше неумение обращаться с плавсредством, малость большим, чем таможенная лодка. Здесь, на Някке, мы чувствовали себя до того свободно, что разболтался даже Кохи.

– Эй, Миче, – крикнул он, – помнишь, как я тебя подрезал на прошлогодних состязаниях?

– Нашёл, чем гордиться, – смеялся я. – Ты на всех соревнованиях приходил раньше меня. Я не настолько умел.

Собственно, в отличие от Малька, например, Кохи ни разу не выходил победителем. Наш юный Корк мог бы по привычке сказать что-нибудь колкое на эту тему, но слишком долго обдумывал ответ.

– Чего он молчит? – в шутку спросил я у Хрота, пихнув его в бок.

– Так просто, – неопределённо ответил тот.

Я упал в собственных глазах, заподозрил себя в невежливости и стал лихорадочно сообщать, чем же я их обидел.

– Он сам первый начал, – на всякий случай шепнул я Хроту и отодвинулся подальше. Драться нынче не входило в мои планы.

Мадинка положила мне на плечо прохладную лапку:

– Забудь, Миче, всё нормально.

– Что такого я сказанул? Кстати, он сам прицепился.

– Не подумав сказал. Это большая тема. Я слышала, тебя не ругали дома, если ты приходил седьмым или девятым.

– Меня? Хо! За что? Родители говорили, хорошо, не двадцать шестым. Развлёкся – и ладно. Было смешно посмотреть, как я интересно уворачивался от Кохи. Потом мы отмечали конец состязаний.

– А Кохи всегда влетало, даже когда он приходил вторым или третьим.

– Но вторым или третьим – это же хорошо.

– Тебе не понять, дурачку. Второй – это же не первый. У нас ничего не отмечали. Только бухтели неделю. Можно было подумать, что кто—то скончался. И всё вспоминали папины подвиги.

Нет. Мне не понять.

Кстати, Хрот никогда не участвует в университетских гонках.

Как же меня проняло!

– Мадина, – зло прошипел я, – а какого чёртова лешего надо было записываться на состязания снова и снова? В надежде всё—таки понравиться папочке?

– Ну... Да.

Нет, Хрот вызывает больше уважения, честное слово, подумал я тогда сгоряча.

Потом, остыв, я сообразил, что Хрот – последний ребёнок в семейке злобных Корков. Может, с его появлением у папочки и мамочки слегка пробудились родительские инстинкты, и на него не так давили? Что требуют отцы, подобные Корку, от первенцев? Чтобы они были копией их самих. Другими они быть не имеют права. Других не любят.

Кохи был другим, но это только – только начало проявляться сквозь скорлупу, в которую несчастный юноша упрятал свою сущность. Он настолько был другим, что я понял: он бы неминуемо погиб в этой семье. Он или покончил бы с собой или допился бы до несчастного случая. Или уже лежал бы в земле, если б не Чикикука.

Кохи по – настоящему начал мне нравиться. В нём было благородство и мягкая доброта. К нему липли все животные от Натаиногo котёнка, которого она взяла с собой, до собак и лошадей на пристанях. Он стал часто смеяться, из его глаз ушла настороженность, его потянуло на розыгрыши, он напрочь забыл, что обязан ненавидеть анчу, и очень подружился с Рики. Хрот, наш будущий великий учёный, всё теребил какие – то книжки и что—то писал. И если он не мог найти нужный оборот, то обращался к Кохи. Тот поднимал глаза к небу и тут же выдавал искомую фразу. Старший из Коркиных детей знал наизусть... Легче сказать, чего он не знал из наших великих и не очень великих поэтов. Если бы он захотел, мог бы беседовать цитатами, и всегда помнил, кто из авторов это сказал, в которой из книг посмотреть, и даже, в какой главе. Предпочтения Кохи были как на ладони: комедии и всё смешное. Наверное, это защита его организма от кошмара домашнего очага.

Ната сказала мне, что пьеса «Запретная гавань», которую мы с ней трижды с восторгом смотрели в Овальном театре, написана Кохи. Это под большим секретом сообщила ей Мадинка. Я не поверил. Да как это может быть, чтобы Кохину писанину поставили в самом главном театре? Нет популярней постановки в этом сезоне! Да что это за драматург такой, Кохи Корк?

– Ерунда! На афише напечатано «автор неизвестен», – привёл я доказательство его непричастности к пьесе.

– В том – то и дело. Откуда он будет известен, если Кохи тайно подбросил рукопись на стол директора? Он не подписался.

– Но Ната! Пьеса ужасно смешная. Ужасно добрая. Ты вспомни, как мы хохотали, ты упала со скамьи! А Кохи в ту пору всё время рычал и дрался. Думаешь, он способен такое создать?

– Теперь ты понимаешь, почему Кохи не подписался?

Ну да. Папочка придумал бы сынка за бумагомарательство, даже если бы пьеса называлась «Смерть анчу», а главного злодея звали бы Миче.

Кохи с каждым днём изумлял меня всё больше. Порой он, как сейчас, становился странным, случайно затронув тяжёлые воспоминания, порой вздрагивал и вжимал голову в плечи от резких звуков, и оставался вспыльчивым, как истинный Корк, но воля очень сильно, очень быстро изменила его, и стал наш Кохи в моём воображении похожим на шустрый и горячий солнечный зайчик. Он тоже что—то писал, но первое время не на виду, как Хрот, а затаившись в каюте. Я делал вид, что не знаю.

И стоит ещё сказать об Ане, дочери безголовых родителей, чья судьба сильно напоминала судьбу Кохи. Она тоже становилась нормальным человеком, но не так быстро, как Корк. Всё-таки, характеры у них разные. Она наслаждалась общением, стала шутить, но всё ещё была не уверена в себе. Лёка был полон понимания и терпения. По вечерам, сев возле лампы, они продолжали обсуждать проблемы кройки и шитья, с чего, как вы помните, и началось их знакомство. Малёчек по призванию художник, но ремесло родителей ему тоже очень нравится. Я же говорил: родственные души потянутся друг к другу, а настоящая любовь – это здорово.

Мадинка обзавелась большими стоячими пальцами и в свободное время вышивала картины, подобных которым я в жизни не видывал. Она делала это быстро, раз—раз – и готово, потому что ткань сразу брала цветную и фактурную, а стежки делала не тоненькими нитками, а толстыми шерстяными нитями или даже узенькими ленточками. Вы слышали о таком? Мадинка не заглядывала ни в какие рисунки, она придумывала их сама. И у неё получались берега Някки в разное время суток, букеты в вазах, сады, полные цветов, смеющиеся мордашки в окружении веток. Малёк время от времени отрывался от мольберта и подсказывал ей что-нибудь насчёт перспективы или светотени. Лала, когда ей в голову приходила небывалая мысль посидеть тихо, проделывала этот невозможный трюк с пальцами возле нашей Корочки.

Я опасался, что вот—вот увижу с пальцами и Чудилу, он прямо не отходил от Мадинки. Я спросил, сколько они знакомы, и услышал ответ, что сами не знают. Где—то в детстве познакомились. Я высказал предположение, что за это время можно с ума сойти от понимания того, что вместе им не быть. На это они только вздохнули. И сказали:

– Но теперь есть надежда. Благодаря тебе, Миче!

Вот до чего я возмутил спокойствие в Някке, что всё перевернулось с ног на голову.

Я всё думал, как это у Корков получились такие славные дети? Привет от далёких предков, о которых вечно болтает Хрот?

Воздух на «Комарике» был свой собственный. Он был пронизан любовью, он струился и переливался, мы, почти все, были влюблены счастливо и взаимно. А глупый Миче, тем не менее, иногда пытался поворчать:

– Слушай, Хрот, я не пойму, как вы с Терезкой решились завести ребёнка? Безумие какое—то. При том—то, что происходит.

Попинав свёрнутый канат, младший Корк сказал интересную вещь:

– Мы бы не решились. Ребёнка бы не было, Миче. Только у нас появились ты и надежда.

– Слабая надежда, Хрот.

– Но она есть, – улыбнулся дурачок. – Ты не переживай, может, мы с Терезкой где – нибудь на севере останемся.

Может, нам всем остаться?

Я смотрел на Терезку и удивлялся. Она была так счастлива, что порхала и щебетала, как птичка. Она не чувствовала никаких недомоганий и неудобств, и только съедала всё на своём пути. Ей не хотелось думать о будущем.

– Благодаря тебе, Миче, – сказал Лёка, от которого я, обычно, мало слышал одобрительных речей. – Всё так хорошо, Миче, только благодаря тебе. Ты познакомил нас с Аней. Мы с ней будем жить очень счастливо. Мы просто созданы друг для друга. Как ты это понял? Я мог бы сам всю жизнь искать такую девушку и не найти.

Я только головой покачал. Объяснять, что это как-то само собой получилось, без всякого умысла с моей стороны, было бесполезно. Помнится, я всего лишь пошутить хотел.

Не помню, чтобы в свободное время мне очень часто попадались Аня или Малёк, но не думаю, что мы с Натой попадались чаще. Когда мы не работали, мы все разбредались по парочкам. Даже Рики сказал:

– Вот так приключение у нас вышло! Спасибо, Миче, это благодаря тебе! – и добавил: – А в каком возрасте я могу...

– Что? Целоваться? – ужаснулся я, бедный старший брат.

– Ну почему сразу целоваться? Ну, просто... Чтобы мне девочка нравилась?

– Рики влюбился, хи-хи-хи, – противно влез в нашу душевную беседу Воки. Оно ему надо? Подслушивал, что ли?

Ловкач смотрел на нас, влюблённых, весёлых и счастливых, и завидовал. Так ему и надо! Мрачный ходил чрезвычайно и улыбался через силу.

Я спросил:

– Скучно тебе. Ты, Воки, зачем всё-таки с нами отправился?

– Из-за тебя, Миче.

Многозначительное объяснение.

Забавно было слушать разговоры наших влюблённых чудиков.

– Малёчек, – спрашивал я, – не пристать ли нам в Неа? Как раз будем там в праздник.

– Давай, Миче, спросим у Ани. Анечка, как ты считаешь?

– Я не знаю... Наверное... Хотя... А как ты?... Но может быть... Нет, не знаю... Как все...

– Тогда конечно. Ну почему бы и не пристать в Неа? Слышал, что Аня сказала? Анечка очень умная. И вкусней всех готовит овсяную кашу.

Петрик улыбнулся:

– Неа красивый город. И там можно кое-чего купить на продажу. Я знаю, где.

Мадинка туда же:

– Очень красивый город. Чего-нибудь можно купить. Я знаю. И там, конечно, будут танцы в парке над рекой. Как насчёт потанцевать?

– Потанцевать обязательно. Танцы в парке, конечно, будут. Над рекой очень здорово наблюдать закат. Ты помнишь, Мадинушка?

– Конечно помню, Чудилушка. Наблюдать закат над рекой здорово очень.

– Очень.

– Очень.

Мы смеялись.

Конечно, надо мной и Натой тоже подтрунивали, я бы даже сказал, ухохатывались, ну да это вам не интересно, я думаю.

ГЛАВА 3. ДЕВУШКА С ГРУШЕЙ

Однажды мы заночевали возле скалистого островка. Там был посёлок и маленькая пристань. Все мы уже собрались спать, когда обнаружили, что нет ни Кохи, ни Чикикуки. Что за дела такие? Оставив Терезку сторожить детей и котёнка, мы обошли деревеньку, вышли к лесу, покричали на опушке, пошарахались по прибрежным скалам, никого не нашли и вернулись на пристань. Там стояла Терезка и прямо подпрыгивала от возбуждения.

– Чего вы кричите? Машу, машу – не видите. Тут он, Кохи, вернулся. Такой чудной пришёл, рот до ушей...

– С чего бы это?

– Не знаю. Рот до ушей, глаза вот такие, – Терезка показала размер тастика. – Ни на что не отвечает, брык – и сразу спать.

– Устал, значит, – поняли мы и тоже отправились на боковую.

Ночью меня разбудила Чикикука. Она тыкалась мордочкой мне в лицо, ласкалась и мяукала. Она ещё и мяукает? Не знал. Рыжик, наш котёнок, видя такое дело, откуда—то издалека прыгнул мне прямо в рот. Хотел поиграть, а провалился в яму.

– Тьфу! – выплюнул я его. – Засилие зверья! Вам чего надо?

Видя, что я проснулся, Чикикука исполнила на моей груди дикий танец «растопчи его совсем». Рыжик гонялся за её хвостом, а я пытался схватить обоих.

– Тс—с! – шипел я. – Тс—с! Разбудите всех.

Чикикука распласталась на моей груди, обняла меня лапками, насколько смогла, сунула носик мне в ухо и заснула абсолютно счастливая, не смотря на то, что Рыжик активно хватал её за хвост. Подивившись, я тоже заснул, потому что была глубокая ночь.

– Миче, – наутро сказал мне Кохи. – Я видел её.

– Кого? – спросил я, зевая.

– Её, эту девушку, о которой я тебе говорил.

– О какой конкретно?

Кохи взглянул укоризненно.

– Которая мне снится. Однажды я уже её видел. В Някке ещё. Она разглядывала витрину снаружи, а я как раз торговал в твоём магазине.

– А я где был?

– А ты гадал кому—то, как всегда.

– А ты что сделал?

– А я выскочил на улицу, но её там не было. Я тебе не говорил, думал, что померещилось.

– А зачем ты выскочил? Решил, что тоже ей снишься? – подколол я Кохи, а он совершенно искренне вскричал:

– Да! Потому что она на меня вчера так смотрела!

– Где?

– Там! – Кохи махнул рукой в сторону деревни. – Миче, она здесь живёт – и я куда не поеду. Я останусь тут.

И он ушёл, даже не позавтракав, и вернулся лишь после обеда. Мы были возмущены: где его носит? «Комарик» был единственным судном у пристани. Все остальные давно тронулись в путь.

– Её здесь нет, – сообщил мне Кохи и сел мимо скамьи.

– То есть, ты не остаёшься?

– А смысл? Я опросил всех. Зашёл в каждый дом. Никто никогда такой девушки не видел. Вчера я наткнулся на неё на базарчике. Она стояла и ела грушу. А я встал и смотрел на неё.

– Это невежливо, Кохи.

– Она тоже смотрела, – объяснил своё поведение Корк. – Ты бы видел, какие у неё глаза!
А я вот так протянул руку...

– И отобрал у неё грушу...

Кохи обиделся и отвернулся.

– Эй, мальчики, вы будете стоять или займётесь якорем? – закричала Ната.

– Ну, Кохи, прости. Что ты сделал?

Он с готовностью меня простил и сказал:

– Я её потрогал.

– Грушу?

– С ума сошёл! Девушку.

Я так и ахнул. У меня прямо мозги дыбом встали. Как это так, на улице потрогать неизвестно чью девушку? А если она чья—то жена? А если кто—то видел, и папочка дома её побьёт, как мерзкий Ош? И за какую часть тела потрогал её Кохи? Я так его и спросил. Он попытался продемонстрировать, но я сказал, чтобы на мне он не показывал. Оказалось, всё было целомудренно. Кохи погладил девушку по руке и по щёчке.

– Теперь ты видишь, она не сон и не мерещится, – радовался Корк.

Меня взяло естественное любопытство.

– Девушка хоть красивая?

– Не знаю, – похвастался Кохи. – Но она хорошая и мягкая.

– Ой, мама! – схватился я за сердце. Надо спросить у Шу—Шу, всё ли в порядке с головшкой Кохи. Знаете, если по макушке треснут торшером, потом могут быть последствия.

– Что сделала девушка? – спросил я огорчённо. – Дала пощёчину?

– Нет. Протянула мне грушу.

– Ты взял и доел?

– Нет. Я опять её потрогал.

– Мама! Тебя оштрафуют! Кохи, так себя не ведут в общественном месте.

– Ведут, – возразил тот. – У неё волосы, как у Чикикуки шёрстка.

– А! Я помню. Глаза тоже Чикикукины.

– Да, – отстранённо подтвердил Кохи.

– И хвост. С рогами.

– Да, – твердил Корк, счастливо глядя куда—то внутрь себя.

– И усы, – изгалялся я.

– Да.

– Кохи, ау, очнись.

– Да – да.

– Может, это и есть Чикикука?

– Да. – Ну вообще он с ума сошёл.

– Это Рыжик, – сказал я.

– Да – да.

– О чём это он? – спросил Чудила. – Только и слышно: «да-да».

– Да, – улыбнулся Кохи.

Мы с Петриком переглянулись.

– Ната велела гнать вас помогать. Сто лет уже отчалить не можем.

– Да, – кивнул Корк и вдруг очнулся. – Да! Если она здесь проездом, надо её догонять.

– Кого? – поинтересовался Чудила.

– Не обращай на него внимания, – посоветовал я, но Кохи, к моему удивлению, не делал тайны из своей встречи.

– Девушку, – сказал он. – Я видел на базаре настоящую девушку, которая мне снилась.

– Он ощупал её, отобрал её грушу и съел, – наябедничал я.

– Ребята, вы оба всего лишь спятили, правда? – спросил Чудила.

– Я хотел купить ей ещё грушу, повернулся к прилавку, а она ушла. Как—то так быстро, как испарилась. Где она? Я искал её, – жаловался Кохи.

– До поздней ночи?

– Не знаю. Кажется, некоторое время я просто мечтал. Я не помню, где был.

– Миче, – зашептал мне в ухо Петрик, – давай, мы оставим его мечтать, а сами пойдём. Надо двигаться вперёд, вверх по речке, но надо же что—то для этого сделать.

Сделали уже всё без нас. «Комарик» бодро рассекал воды Някки, а Ната, сдвинув брови, выговаривала нам, что думает про наше поведение. Кстати, когда она так мило хмурится, делается такой смешной!

* * *

Но вот ещё такая странность на мою голову.

Мне очень не нравилось, как Воки Ловкач смотрел на Терезку. Невозможно было отделаться от ощущения, что он попросту попал под её чары. В этом нет ничего удивительного. В Някке в ту пору из всех красавиц и завидных невест купеческого сословия выделялись две – и обе они сейчас путешествовали с нами: Ната и Терезка. Не то странно, что Воки постоянно злился и раздражался на Хрота, успевшего завоевать сердце дочери Оша раньше. Это понятно: ревность и всё такое. Даже можно было понять, что из-за нехорошей этой любви доставалось и Кохи с Мадиной: Ловкач избегал сестру и отвратительно вёл себя с братом. Цедил сквозь зубы и косил глазами в сторону при необходимости разговора. Но он порой ТАК смотрел на Терезку, что я пугался. То казалось, что Воки и впрямь влюблён и страдает, то бросал вдруг на неё взгляд, полный такой лютой ненависти, что объяснить это было нечем. Терезка сама не замечала – Воки пялился ей в затылок. Но заметили Рики и Лёка.

– Что за дела? – прошептал мне на ухо мой очень младший брат. – Чего Воки таким злобным стал? Ты видел его глаза? Того и гляди сожрёт Терезку. То всё нормально, а то как зыркнет!

– Не любит она его, – вздохнул я.

– Ладно. Но Лале пришлось сделать ему замечание. А что он Кохи грубит? А что он на Хрота наорал?

– А ревнует, – развёл я руками. – Завидует.

– Ну, допустим. Только Лала пригрозила долбануть его шваброй, если это ещё повторится. Если мы дружим – то дружим все. А если ты, как дурак, втюрился в замужнюю, и даже в беременную даму, то нечего нам в глаза плохим настроением тыкать. И учти, Миче, Лала – она долбанёт. И шваброй может, и чем потяжелее.

– Ната её накажет.

– Ната слышала, хоть мы и подловили Воки одного. Сказала, что пусть долбанёт, она не против. Сказала, нечего грубить. И, если Ловкача мир не берёт, пусть его домой отправляется.

– Это правильно.

– В общем, если ещё раз – мы объявляем Воки бойкот и списываем на берег. Ты согласен? Если да – я всем скажу потихоньку.

– Я согласен, – кивнул я. – Но лучше мы Воки посадим в трюм, чтобы перед глазами был.

– Ты что, Миче? Зачем нам ТАКОЕ перед глазами?

Ну мог ли я сказать мальчишке, что мы с Лёкой подозреваем бывшего приятеля в очень серьезных вещах, причём, сами точно не знаем, в каких.

– Чтобы не донёс Коркам, где нас искать и как ловить, – сообразил ответить я. – Видишь ли, Рики, одни люди от влюблённости добрее становятся, а другие – злее и мстительнее.

– Хм! Это тебе кажется, что Воки только сейчас озверел, но я тебе говорю, он всегда таким был. Я его терпеть не могу, уж очень он непонятный. Я только тебе не говорил, что он мне не нравился. Что, я тебя нравочать, что ли, буду? Но ты бы слышал, как он на Тиле орал, и на других ребят. Помнишь, тогда, на празднике, когда нас наградили после победы? Такой злой был! Если вокруг все радуются, то что орать-то?

– У меня другие сведения, – я сурово сдвинул брови. – Воки слёзы проливал. Когда учил тебя на роликах кататься, и ты упал с горы.

– Ага! – хлопнул в ладоши Рики. – Проболтался кто-то! Ну ладно. Ладно! Да, то орал, то проливал слёзы. Вот это-то и ненормально. Ты когда-нибудь видел, чтобы люди так себя вели?

Я усмехнулся про себя: видно, у Воки нервишки сдали. Что это он так сорвался? Не радовался нашей победе?

– Короче, бойкот, – объявил Рики. – Бойкот – и на берег.

– Бойкот, – подтвердил я. – Бойкот – и в трюм.

Но Воки по прозвищу Ловкач проявил все свои артистические способности и силу воли, едва почувствовал, что мы настроены решительно. Перестал грубить и хамить, и даже извинился перед Кохи. Но был с молодыми Корками хмур и неразговорчив. Настроение Воки портилось день ото дня, и это уже начало нас раздражать. Он всё больше уединялся, когда был свободен от работы. Всё чаще с ненавистью смотрел на Терезку, и Лёка иногда приставал ко мне с просьбой разрешить кунуть за это Ловкача головой в воду.

Наблюдая за Ловкачом, я пришёл к такой вот идее: не виноват ли Воки в том, что Терезка упала со сходен? Малёчек, с одной стороны утверждал, что вполне возможно, с другой не понимал, как такое мог проделать неволшебник. Никто не видел, чтобы Ловкач толкнул сходни или хотя бы топнул по доскам ногой. Кстати, также, как и на озёрах, и в Лесте, я не почувствовал того, что где-то рядом применили магию. Это странно, но, говорят, бывает.

Когда произошёл этот случай с Терезкой, мне пришлось удерживать Малька силой – а это не просто. Лёка так разозлился, что орал как никогда. Прямо скажем, он никогда не орёт – зачем ему? Своими длинными руками Лёка за моей спиной пытался схватить Ловкача. Но тот рыдал настоящими слезами, утверждая, что если и при чём, то самую малость и не нарочно, и сам не знает, что такого сделал. Лала и Рики презрительно фыркали, Хрот пребывал в потрясении, и его больше интересовало состояние жены, чем рыдания Воки. Остальных, кстати – тоже. Плаксивое заявление Ловкача о том, что ведь рядом был Кохи, мы вообще пропустили мимо ушей. Кохи-то при чём? В тот момент, как упала Терезка, он потянулся погладить Чики-куку и тоже чуть не упал. Сама Терезка хохотала над своим испугом, над нашим ужасом, над гневом Малька и рыданиями этого чёрта. Она насмеялась над собственной неуклюжестью, и так искренне считала, что виновата сама, что даже я поверил и сказал, что главное, что всё обошлось. Прямо обвинить Воки было не в чем. Лёка просто дал выход своему раздражению, потому что из-за давних подозрений, решил, что это он помог Терезке упасть. Воки действительно стоял чересчур близко.

Воки был замечен на кухне незадолго до того, как туда вошла Терезка, и прямо перед ней взорвалась такая интересная кастрюлька, скороварка, в которой внутри большое давление, пар и кипяток. Терезка не пострадала только потому, что в тот самый момент резко сменила курс, заметив на столике банку с солёными огурцами. От неожиданности Терезка уронила и разбила банку. И так была огорчена этой потерей, что даже не очень испугалась взрыва. Небольшим ожогам на плече она не придавала значения. Вот счастливый характер! И снова никто ничего не мог сказать в адрес Воки. Ну, заходил в кухню – и что? Он не упустил случая напомнить, кстати, что ведь это Кохи, как дежурный, нынче готовил ужин в скороварке. Малёк, однако, просто из себя выходил и выговаривал мне, что это я не даю пристукнуть негодяя и клеветника.

– Лёка, – уговаривал я. – Доказательств нет. Да и подумай, пожалуйста: Терезка беременна. Ни у кого не поднимется рука навредить будущей матери, нет-нет. Таких людей не бывает.

– Да сплошь и рядом, наивный ты наш! Это у тебя не поднимется, Миче. А у Воки рука поднялась на нашего очень младшего брата.

Ну да. Поднялась. Я стал думать, что у Воки поднимется рука. Хотя это в голове не укладывалось.

Гнев светлой Эи, любящей детей и внуков, будет страшным для того, кто обидит беременную женщину. Тем более, причинит ей вред.

Если Воки подкупило старшее поколение Корков, то могу сказать, что их ждёт далеко не удачное будущее.

ГЛАВА 4. НАД ОБРЫВОМ

Кохи теперь был полон задора и желания догнать те суда, что утром ушли вверх по реке. Он запомнил их названия и вознамерился найти на них свою красотку. Суда, ушедшие вниз по Някке, его не так волновали. Он уже видел девушку в столице, и обязательно снова встретит её там, если не обнаружит на четырёх, обогнавших нас, судёнышках. Историю о незнакомке с грушей уже знали все: Кохи просто не мог молчать, его так и распирало от восторга. А вот Чикикука где—то затаилась и не сидела, как обычно, у него на плече.

Вот так и вышло, что мы стрелой пролетели почти до города Идены, нигде не останавливаясь, кроме как на ночь. Ночью нам хотелось выспаться, а не нести вахту. Но когда до Идены оставалось примерно сутки, около города Неа, что ниже по течению, нас застиг хороший праздник – День влюблённых. А праздновать, как понимаете, лучше с людьми, лучше на весёлом танцевабельном месте. Тем более, праздник уж больно актуальный для нас. Нам захотелось с утра поторговать – торговля обещала быть выгодной в такой день, а вечером потолкаться в толпе, сделать друг другу подарки, посидеть в кафе, побродить и, вообще, романтично провести вечер при звуках музыки и свете цветных фонариков, отражённых рекой.

Никто не был против, наоборот, все только за, даже у Рики появились особенные планы на этот вечер. Он взял и ушёл от нас вместе с Лалой Паг, наряженной, как куколка. Я даже пикнуть не успел с целью запретить ему вдвоём с малявкой бродить по городу. Я поглядел беспомощно на Лёку, ожидая, что он, по обыкновению, скажет мне, чтобы я отстал от ребёнка, не мешал его личной жизни и ничего не боялся: Рики самостоятельный парень, и волшебник, к тому же. Я бы подбодрился. Но Малёчек и не думал говорить: «Брось, Анчутка, всё хорошо будет», – а выглядел озабоченным и встревоженным. Глядел в ту сторону, где скрылись Рики и Лала, хмурясь и кусая губу. Подбадривающие слова сказала мне Ната, которая была далека от всяких подозрений.

Но мы с Лёкой решительно не знали, куда девать Ловкача. Оставить на судне, вроде как для охраны? Взять с собой? Но зачем он нам нужен с такой унылой и подозрительной физиономией? Кохи – это другое дело. Против Кохи никто не возражал, хоть у него тоже не было пары. Кохи не злился, не делал угрюмый вид, ни на кого не рычал. Будет себе тихо мечтать о своей красотке, а может, даже и встретит её. Не встретит – просто потанцует с кем-нибудь, хоть с сестрой, с Мадинкой.

Такая странная любовь к неизвестной девушке и отсутствие грозного родительского пригляда сделали Кохи мягче, даже нежнее, улыбчивей, веселей. А Воки я уже просто боялся. Мне даже мерещились в нём признаки сумасшествия, одержимости. Вы бы тоже заподозрили. То он был спокоен и говорил, как нормальный, то, кажется, едва сдерживал гнев, и, кажется, больше, чем мужа любимой женщины, возненавидел Кохи. Тот даже избегал обращаться к нему. Если же Воки приходилось говорить со старшим из Коркиных детей, мне казалось, что его вот-вот начнёт трясти от упрямой под угрозой бойкота ярости.

Что касается Петрика, то Ловкач относился к нему по-прежнему, с чуть заметным подбострастием, но избегал смотреть в глаза. Мадина сказала мне, что Воки обязан Чудилке многим. Тот и в долг давал – я знал, конечно, об этом, но, что Воки склонен к азартным играм, услышал впервые. И, давно уже, Петрик вытащил Ловкача из Някки, когда тот тонул. А тонул Воки потому, что балуется веселящим порошком. Я, как вы помните, узнал об этом совсем недавно, от Лёки, да и он сам сообразил это незадолго до того, как мне сообщить. Отвертительный порок. Петрик знал, но никому не говорил. Однажды Воки попытались ограбить в порту. А Петрик, который бегал туда навестить знакомого капитана и возвращался в темноте, помог Ловкачу отбиться. Тот нормально дерётся, но в ту пору у него была сломана рука. Мало того. Помните, я рассказывал, что Воки за какую-то оплошность выгнали со службы

в таможене, а Малёк и слова не сказал в защиту товарища, потому что подозревал, что это далеко не оплошность? Ловкач поплёлся к Петрику, напел ему о кошмарной жизни с папой – алкоголиком, и тот, добренький наш, взялся побеседовать с суровым и грозным дядей Тумой, начальником таможни. Чудик сильно рисковал здоровьем, потому что в целях самосохранения, с дядей Тумой лучше не разговаривать вообще. Однако, он добился того, что Воки простили и приняли обратно. И всё в таком духе.

– Была охота возиться с аферистом, – проворчал Лёка, выслушав Мадинку.

Представьте теперь, как Воки «обожал» Малька. Так и заявил ему в самом начале путешествия: он, мол, знает, как Лёка плохо относится к нему, хорошему, искреннему и честному. Поэтому будет лучше, если они станут поменьше общаться. Это после того, как Лёка как бы вообще и между прочим сказал, что обязательно потребует наказания для того, кто на борту «Комарика» вздумает баловаться веселящим порошком. И при этом в упор смотрел на Воки.

После разговора с Мадинкой Лёка спросил Чудилку, как он не видел, с кем дружит, и за кого застуается, и кому помогает по жизни?

– Ну, понимаете, – залопотал Петрик, – веселящий порошок творит такие дела с людьми... Они становятся злыми, нервными, глупыми. Совершают мерзости. А что я? Миче и сам с Воки приятельствовал.

Это так. Но наши редкие совместные дела и чуть более частые пирушки не позволили мне разглядеть, насколько отвратителен Воки. Для этого стоило попутешествовать с ним, тесно пообщаться в мирке небольшого судёнышка. Не думаю я, что виной душевной гнусности Ловкача только веселящий порошок.

– К тому же, мне было жаль его, он потерял отца, – сказал Петрик. – Можно понять, почему он за эту отраву схватился.

– Потерял отца? Когда? – поразились мы, наплевав на глупые слова о понимании.

– Ну... Недавно. Весной. В конце весны. После того, как я упробил дядю Туму вернуть Воки на таможню.

Вот те и раз!

Я не выдержал:

– Ты что, Чудила? В самый день возвращения нашего флота я говорил с Воки о его отце. Тот брехал, что отец жив, пьёт, и даже понятия не имеет о пиратах.

– Петрик! – потеряв терпение, не сдержался и Лёка. – А говорят, ты из тайной полиции. Вот ни за что поверить невозможно!

– А! Вы в этом смысле, – нахмутив брови, протянул он, но мы с Мальком уже не могли беседовать с этим чудилой. Мы ушли, оставив его в одиночестве размышлять о соотношении ненормальной доброты к профессионализму тайного полицейского.

И вот, мы с Лёкой были совсем не рады, когда, нацепив на физиономию добродушную маску, этот Ловкач потащился за нашей компанией на танцы. Никто не отменял телеграф, почту, курьерскую службу, месть Корков своим детям, да и в каком-нибудь притоне наверняка очень тайно торгуют веселящим порошком.

А то, что злой пиратский волшебник в этот вечер оставит нас в покое – так это я по себе судил. Я ни за что не стал бы мстить кому бы то ни было на танцах, в окружении людей – это может причинить им вред.

Лёка шепнул мне:

– Ладно, улыбнись. Хуже было бы, если б Воки на судне приготовил для Терезки очередную каверзу. И при этом опять на Кохи свалил. А так они оба на виду. Только не подпускай к Чудилушке Чёрного Мстителя. Он может попытаться подобраться в толпе. И даже с обычным ножом.

Ну, с этим справиться легко. Я принял все меры безопасности, на которые был способен. Ну и конечно, ребята дали слово следить за безопасностью Петрика и Терезки по очереди и всем скопом, не забираться на возвышения и не бродить отдельно от других.

Я развеселился – грех в такой вечер заниматься размышлениями о преступниках. Я занялся Натой, потому что она не заслужила, чтобы я портил ей настроение.

Праздник был восхитительным. В парке мы натамцевались от души. Мы кружились то со своими дамами, то меняясь. Покупали им маленькие сувенирчики в ларьках, убегали целоваться в тень, просто стояли, отдыхая, любуясь расцвеченной огнями тёмной рекой, звёздным небом и силуэтами гор на том берегу. Терезка танцевала тоже. У неё ни капли не кружилась голова, её никогда не тошнило, она редко жаловалась на усталость, одолевающую беременных, и никогда не отлынивала ни от каких посильных работ на «Комарике». Вот только движения её стали замедленными, и, танцуя, она была осторожна. Терезка упорно держалась там, где пореже толпа и танцевала она далеко не всё – берегла себя.

Танцевальная площадка находилась прямо на высоком берегу Някки, музыканты были замечательными, кроме того – нашими хорошими знакомыми. Они приезжали, помнится, на студенческие конкурсы и фестивали в столицу и как-то заняли третье место, когда мы: я, Ната, Петрик, Лёка и Рики, заняли второе.

Так вот, нам ненадолго уступили бы сцену, но мы сразу сказали своим знакомцам, что не хотим быть узанными в этом городе. Тем не менее, разулыбавшиеся ребята объявили песню «для наших друзей» и заиграли нашу мелодию. Мы подхватили своих девчат, Кохи – просто какую-то девушку, Рики, разумеется, Лалу, и всё было очень весело, пока я не услышал рядом слова:

– В знак примирения...

Справа от меня Хрот уступил право потанцевать с неутомимой Терезкой проклятущему Воки. От удивления и даже от ужаса, я встал Нате на ногу и замер.

– Миче, ты что?

– Э-э-э... Я не знаю, – нашёлся я. Делая вид, что мне очень радостно, я старался теперь держаться ближе к Терезке и Воки. Ну что ты будешь делать! Всё удовольствие испортили! Какие слова удалось найти Воки для того, чтобы убедить Хрота отпустить от себя жену, а Терезку – отцепиться от мужа?

А скрипки заливались, и несовершенные инструменты верховьев Някки, называемые гитарами, задавали ритм. Певица Олюшка в синем платье, хитро блестя в мою сторону глазами и постукивая ножкой, без всякого напряжения пела голосом волнующим и прекрасным, чуть переврав мой текст. Ната терпеть не могла Олюшку, называла её «задавакой противной» и «козой несчастной». Тогда мне было невдомёк, дурачку, а теперь я понимал: ревновала. Даже теперь, когда мы были сосватаны, и, надеюсь, у Наты не было причин сомневаться в моей любви, она поглядывала на певицу сердито. Почему-то она считала, что Олюшка мне нравилась когда-то. На самом деле, это я ей нравился. Все знают, что Олюшке вообще очень сильно нравится... хм... Назовём это общением с мужчинами.

Эти ласковые скрипки,
Эти шёлковые звуки
Над заливом, над закатом, на высоком берегу!
Эти платья, эти руки,
Этот смех, противник скуки!
Что стоите? Я на месте удержаться не могу!

Что за ласковые скрипки!
Ай, да звонкие гитары

Над заливом, над закатом, а внизу поёт прибой!
Кто сказал, что нынче стары
Ритмы, что свели нас в пары?
Мы танцуем ради танца: ты со мною, я – с тобой!

Вот так ласковые скрипки!
Вот так бубны да свирели!
Над заливом, над закатом не смеси меня, друг мой!
Ох, как взгляды потеплели!
Ох, как губы осмелели!
Я сама себе хозяйка, я одна пойду домой!

Смолкли ласковые скрипки.
Море пенно и огнисто.
Над заливом, над закатом, на нескошенном лугу
В моём сердце тонко, чисто
Колокольчик серебристый
Бьет тревогу под твой шёпот на высоком берегу...

Ната так раскраснелась от танца, так глядела на меня, и, вообще, она такая красивая, что я забыл ненадолго о Терезке и Вокиных происках. Я вспомнил о них тогда, когда песня почти допелась до конца, и Олюшка привлекла моё внимание, помахав рукой. Моментально я бросил мечтать и огляделся, в страхе ища глазами ту пару.

Мама моя! Оставив Нату, я ринулся в сторону. Наступил на чьи-то ноги, кого-то толкнул, прыгнул вперёд, ударился об ограду танцевальной площадки, о ту, что над обрывом, над Няжкой... Что-то хрустнуло, треснуло, я успел оттолкнуть навалившуюся на меня Терезку, увидел, как её оттащили назад, услышал крики ужаса, и понял, что лечу с обрыва вниз вместе с обломками мрамора.

* * *

– Тьфу! Понастроили на обрывах! – и всякими более злыми словами ругался я, выбираясь из воды некоторое время спустя.

Понимаете, меня так просто не утопить. Я плаваю лучше многих. Я вывернусь и выплыву всегда, если только сознания не потеряю. Я не боюсь ни ширины и быстрого течения Няжки, ни шторма на море, ни неожиданных падений, ни ледяной воды. Даже родители удивляются странной моей дружбе с водой, особенно, с солёной. Моей и Рикиной: он весь в меня.

Меня, конечно, слегка пристукнуло мрамором в разных местах. Здорово я ударился о воду. Но мне повезло просто нереально: я полетел напрямиком в Някку в том месте, где на пути падения не встречаются скалы и камни, где обрыв действительно отвесный. Чуть левей берег не был таким крутым, и я мог бы скатиться по нему в реку уже мёртвым. Я мог бы насмерть разбиться о торчащие из воды обломки – и просто чудо, что этого не случилось.

Первое, что я увидел, высунув голову и слегка опомнившись – это женский силуэт высоко надо мной на фоне цветных бликов, крон и неба. Моя Ната выскочила на самый краешек, на торчащий над рекой уступ, перемахнув через уцелевшую часть ограды.

Я помахал Нате рукой. Она должна была увидеть, потому что свет фонарей доходил и сюда. Но она, по-моему, не обрадовалась. Голосом, полным паники, она кричала:

– Миче! Там! Там! – и показывала куда-то вбок. Её крикам вторили вопли прочих граждан, которых невозможно было хорошо разглядеть.

Я решил, что масштаб разрушений больше, чем я успел увидеть, и вгляделся в темноту и торчащие камни. Меня заколотило: вдруг на этих скальных обломках тела недавно ещё весёлых и влюблённых людей? Ужас, ужас! Но, может, я сумею кому-то помощь оказать?

Со стороны ряда камней кто-то плыл ко мне, отфыркивался и отплёвывался.

– Рики?!

– Уффф! – сказал мой очень младший брат, выбираясь из воды и устраиваясь рядом со мной. – Ты не ори. Я просто прыгнул тебя спасать.

– А? А? – я не находил слов. – Зачем?

– Так камни же! Вдруг бы ты расплющился о них?

– И ты решил расплющиться рядом в знак солидарности?

– Да, – серьёзно заявил очень младший брат. Он обнял меня и прижался ко мне, весь мокрый и ужасно счастливый. И как я мог его отругать? Язык не повернулся. Хорошо, что он тоже угодил просто в воду. А! Вспомнил! Это ведь я наложил защиту на каждого из ребят – чтобы не покалечиться при падении.

Вопли над нашими головами, однако, не прекращались, а мне на колени сверху вдруг обрушилась Чикикука и заверещала так, что у меня уши заложило.

– Похоже, за камнями кто-то есть, – сообразил Рики. – И уж точно, расплющенный, раз молчит.

Я вздохнул и полез в воду, сразу очень глубокую в этом месте. Посмотреть, кто там расплющился без меня.

Проплыл немного и завернул за камень, на который указывала сверху Ната. Там я увидел большой, копошащийся и булькающий в темноте клубок, услышал пыхтение и нехорошие ругательства. Чикикука, примостившаяся на моей спине, зарылась носиком мне в волосы. Ей было страшно.

– Кохи! – крикнул я, придав дрожащему голосу неестественной бодрости. – На кого ругаешься?

– Вот, чёрт побрал бы Чудилу вашего! Не мог в другое место сигануть!

– Я нормально сиганул, – голос обиженного Петрика был полон возмущения. – Сиганул нормально, а тут сеть. Понастроили на обрывах! Понаставили сетей!

Петрик запутался в обрывке сети, зацепившемся за камни, а Кохи, который заявил, что прыгнул за ним, а вовсе не за мной, но всё из той же солидарности, пытался освободить моего дружка и запутался сам. Так они и барахтались возле большого обломка скалы. Кохи одной рукой держался за камень, а другой не позволял Чудиле пойти на дно. А по тоненькой кромке берега уже пробирались к нам горожане.

У меня не было с собой ножика, чтобы разрезать сеть, зато была Чикикука. Я стащил со спины перепуганную, дрожащую зверушку и сказал тихонько:

– Хочешь, чтобы Кохи утонул? Нет? Плыви и перекуси верёвки.

Разумное водоплавающее, услышав, что может лишиться Кохи, и некого будет весь день нежно обнюхивать, мигом забыло про испуг, метнулось к ребятам, нырнуло, и освободило их прежде, чем первые спасатели добрались до этого места.

Я опасался, что Кохи, слабый ещё после общения с папочкой и его торшером, повредил себе что-нибудь, и лично доставил его на берег. Но ничего. В смысле здоровья никто сильно не пострадал, только у Петрика обнаружился неглубокий длинный порез на ноге. Всякие там синяки, царапины и шишки не в счёт. Нас четверых проводили на открытое пространство, набежали члены нашей компании, Ната, доктора из танцующей влюблённой публики, полиция, и мы тут же дали показания, назвавшись чужими именами. Мы смело ими назывались, потому что имели с собой документы, выданные нам лично королём. Думаю, подделка документов главой государства не является уголовным преступлением.

Со мной всё понятно. Я увидел, что под ногами Терезки, всё время старающейся держаться на свободном пространстве и увлекающей туда кавалеров, разрушается танцплощадка. То есть, камень прямо на моих глазах пошёл трещинами, и на этих трещинах, у самой ограды, стояла только Терезка. Потому что песня закончилась, и Воки отошёл от неё, уступая Хроту. Край площадки поехал вниз, наклоняясь к воде – и тут я прыгнул и оттолкнул Терезку. Хрот неминуемо тоже полетел бы вниз, успеи он шагнуть вперёд. Он засмотрелся на лицо красавицы жены, и не видел, что творится под её ногами, и медлил подойти ближе, желая полюбоваться. Дело одной секунды. Я прыгнул, а Хрот обернулся на крики, взвившиеся правее. Я-то думал, что кричать стали, когда я полетел вниз, но на миг раньше площадка обвалилась под ногами Петрика и его невесты. Как я, он успел оттолкнуть Мадинку, и её оттащили от края. Даже нет. Успели схватить и вытащить, когда она скользила по разрушающемуся склону и цеплялась за всё, что придётся. Кожа на коленях и ладонках нашей Корочки была здорово содрана, всё тело – в царапинах, и одна туфелька потерялась. Кохи, который отошёл к ограде полюбоваться на звёзды, упал бы тоже, но сориентировался очень быстро и прыгнул сам – спасти Чудилку. Оттолкнулся от края крошащейся под ногами поверхности – и оттого не разбился о камень (я всё равно этого боялся, несмотря на защитные заклинания), а аккуратно вошёл в воду и сумел его вытащить. Сам бы Чудилка не выплыл. Запутаться в сети – это очень серьёзно. Больше никто не пострадал. Разрушение сразу прекратилось.

Вы посмотрите, какое счастье, какая удивительная удача существует на свете! Если бы Чикикука не спасла Кохи, не путешествовал бы он с нами. И как бы я жил без Петрика? Я даже руками замахал, прогоняя мысли о таких ужасах. Я просто готов был молиться на своего бывшего соперника.

Строгий полицейский, хмуря брови, обратился к Рики, который укрылся в большущих руках Малька, словно в покрывале:

– А ты, мальчик?

Рики замаялся под моим взглядом, но сознаваться пришлось. Этот изверг показывал Лале и ещё двум – трём девочкам, какой он молодец и ничего не боится. Он увидел, что я лечу вниз, когда сам шёл, балансируя, по перилам ограды. Над обрывом! Вот балбес! Ведь обещал мне не забираться ни на что, откуда можно упасть.

– Н-н-надо д-дать ремня, – стуча зубами, поделился я с Лёкой педагогическими соображениями. Но тот, против обыкновения, покачал головой и поцеловал Рики в макушку. Он так радовался, что мы все выбрались из реки живыми, что сердиться был не в состоянии даже в целях воспитания. Рики вообще захихикал – я в жизни его пальцем не тронул, не то, что ремнём.

– Несчастный случай, – выдал версию полицейский.

И, несмотря на то, что едва не погибли все дети Кырла Корка, его нежеланная невестка Терезка, его будущий внук, предполагаемый зять Петрик Тихо, и я с Рики впридачу, даже Лёка был вынужден согласиться, что это сотворил не Воки.

Понимаете, в чём дело. Сделать так, чтобы на краю танцевальной площадки оказалось очень мало народа, чтобы там остались только требуемые лица, чтобы в нужный момент вдруг начало разрушаться на гранитной скале очень давно на ней находящееся, укреплённое со всех сторон сооружение, причём, с нужного края... Такое под силу только стечению обстоятельств – или волшебнику. Разве Воки волшебник?

– Пиратский колдун. Пиратская месть Чудиле за Длинного Когтя продолжается. Волшебник в кустах прятался, – бормотал мне в ухо Малёк, пока нас осматривали и оказывали первую помощь.

Я не спорил. Я был согласен.

Раз за разом упорный Чёрный Мститель покушался на жизнь моего родного друга, и нервы у нас были на пределе, так что Рики уже говорил, что это месть не Петрику, а нам. Ему-

де что? Подумаешь! Мы все на страже его здоровья. А наше уже сильно подорвано жуткими переживаниями и напряжением. Если бы Петрик не был защищён при помощи магии, он бы разбился о камень. Я знаю, и Чёрный Мститель знал. Оттого в том месте оказалась сеть и что-то металлическое, не иначе, как заговорённое, поцарапавшее ему ногу. Могло бы, наверное, проткнуть насквозь, если бы не защита. Представляете наше состояние? Мадинка чуть с ума не сошла.

Вообще-то, понятно. Все мы, так или иначе, были причастны к тому, что сорвались планы Кырла Корка и Длинного Когтя. Но тут подумали мы с Лёкой вот о чём: колдун пытается поссорить нас с Ловкачом. Создаёт такие ситуации, когда нам кажется, будто виноват Воки. Так ли это? Вопрос требовал рассмотрения и выяснения: зачем?

И ещё. Человек, ошибочно считающий, что магии подвластно всё, попеняет мне, что же я, волшебник, не слишком хорошо оберегал своих друзей? Я оберегал, и очень бдительно, и дошёл в этом деле до совершенства, и думаю, всё было бы плохо, очень плохо, не захвати они в путешествие меня. Но можно защитить подопечного от удара, от пули, даже от незначительной травмы при падении, но от самого падения со сходен, с лестницы или с обвалившегося обрыва защитить почти невозможно. Я уже говорил. Это происходит внезапно.

ГЛАВА 5. ЛАДОНЬ СВЕТЛОЙ ЭИ.

Приходилось держать себя в руках при людях. Не показывать страх и тревогу. Говорить внятно и не допускать ноток паники в голосе. Особенно при наших девчатах. Они должны чувствовать, что находятся под защитой, что больше ничего плохого не случится ни с ними, ни с их мужчинами. Если бы играла музыка, мы, наверное, вернулись бы к танцам для успокоения женской части экспедиции. Но танцующие разошлись, танцы не возобновились. Полиция разбрелась по парку, приказав нам завтра явиться в участок для официальной дачи показаний. А на нас налетели наши приятели – музыканты. И, поскольку, сразу было ясно, что мы к ним не пойдём, они составили нам компанию на «Комарике». Я, Петрик, Кохи, Рики и Мадинка переоделись и выглядели прилично, хоть местами и забинтованно. Девчата тоже взяли себя в руки и решили отложить до завтра переживания о нелёгкой Чудилкиной судьбе. Мы вынесли на палубу стол, разобрали его и устроили себе пир. Обсуждали сегодняшний случай, вспоминали о недавнем студенческом прошлом, пели, в общем, всё было здорово.

Ната была очень весёлой, ласкалась ко мне, обнимала и шутила. Я был рад, что она перестала ревновать к Олюшке. Понятно же, что та неплохая девчонка, и с ней приятно поболтать – ну и всё. А то, что ей нравятся все мужчины без разбору – ну так это Олюшкино личное дело и всем известное её качество.

Моё сердце пело, я тоже всё норовил обнять Нату, и заглянуть в её глаза, чтобы увидеть в них такую удивительную любовь ко мне. Но потом в поле моего зрения вклинилась Олюшка. Я завертелся во все стороны, разыскивая взглядом Нату. Она стояла с девчатами и была занята обсуждением чего-то смешного. Я встал и пошёл к ней. Олюшка тоже встала и сказала, что нельзя бросать собеседницу, и надо быть вежливым. Я подумал, что речь идёт о Нате и ужаснулся своей невежливости: сколько она уже там беседует без меня? Прибавил шагу, но оказалось, что Олюшке скучно одной пить вино. Я сказал ей:

– Да, мне тоже скучно. Бери бокал и пойдём к Нате.

А она сказала, что я как был валенком, так и остался. И даже больше того – лопухом.

– Удели мне внимание! – вспыхнула она.

Я спохватился:

– А! У тебя проблемы? Конечно, я погадаю! Могу даже сейчас.

Олюшка обрадовалась, что я ей помогу в решении проблем, и предложила пройти туда, где у меня карты. Ну, мы и прошли в пустую каюту. Правда, сразу приступить к гаданию не получилось. Олюшку, как человека воспитанного, интересовало, серьёзно ли у нас с Натой, правда ли, что мы уже сосватаны, не обижает ли она меня. Ну, понятно, знакомые всегда волнуются друг о друге. Я тоже человек воспитанный, и предложил Олюшке быстрее приступить к её проблемам с целью их решения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.